

Петр Немировский

ЧТОБ Я ТАК ЖИЛ!

Из жизни нью-йоркского охранника

Глава 1

– А зачем он нужен, Бог?

– Не кощунствуй. Без Бога человек превращается в пустое место, а еврей и подавно, – ответила Рита. – Мой отец любит повторять: если еврей перестает любить Бога, то он еще при жизни попадает в Шеол – царство мертвых.

Нью-Йорк. Август. Дни еще жаркие, но вечерняя прохлада предвещает скорую осень.

– Тебя послушать – в жизни всё легко и просто, – возразил Феликс, сохраняя чуточку насмешливый тон. – Но как тогда объяснить, что набожные люди часто страдают больше, чем те, кому на Бога, извини меня, вообще плевать? В истории примеров такой несправедливости – сколько угодно. Молчишь? То-то. Кстати, хоть я в твоих глазах и последний безбожник, но случилось так, что на днях я самым неожиданным образом очутился в этой синагоге.

Они проходили мимо невысокого здания с витражами, изображавшими шестиконечные звезды и меноры. На крыше синагоги сидели голуби.

– Дело было так: возвращался домой и попал под ливень. Негде было спрятаться, кроме как в синагоге. А там – какой-то праздник, куча народу, раввины, молитвенники...

– Бог найдет способ привести заблудшего сына в Свой Дом, – заметила Рита.

Феликс открыл дверь, пропуская Риту вперед в квартиру.

– Прошу, – промурлыкал он. – Да, кстати, в октябре в «Мэдисон» будет выступать Боб Дилан. Хочешь пойти на концерт?

– Конечно, – Рита уже сбросила в прихожей босоножки и, удалившись в комнату, включила свою любимую Далиду.

Затем, задернув шторы, сняла футболку. Оставшись в юбке и без лифчика, стала кружить по комнате, подпевая Далиде, грассируя на французский манер:

– О-ор, аммо-ор-рг...

Перекладывала на диване подушки.

А Феликс, улыбнувшись, направился в кухню заваривать кофе.

Что говорить, нет прекрасней женщины, чем Рита. И зачем он с ней спорит на каждом шагу? Неожиданно он ощутил в своем сердце такой прилив нежности к Рите, что решил сейчас, не откладывая, сделать ей предложение!

Рита тоже предвкушала, что в ее жизни сейчас произойдет нечто замечательное, неповторимое.

– Ар-ре-вуар-рг... – доносилось из комнаты ее пение.

Пение Риты внезапно оборвалось, и теперь пела одна Далида.

– А-а!!!! – раздался женский вопль.

Феликс поставил чайник на плиту, едва не облив себя кипятком, и поспешил в комнату.

– Что это такое, а?! Нет, ты мне объясни, что это такое?! – Рита сунула ему под нос маленькую серебристую трубочку.

Феликс посерьезнел. Он так покосился на трубочку в руке у Риты, словно это был разрывной патрон, а не обычный тюбик губной помады.

– А-а... Я тебе всё сейчас объясню, – начал он. – Мы с коллегой из радиостудии вчера после работы обсуждали новый проект. И по дороге попали под ливень. Она напросилась ко мне в гости. И, вероятно... – он осекся. В горле почему-то сильно запершило.

– В спальне? Обсуждали новый проект? А это что такое? – Рита сжала в пальцах длинный, извивающийся светлый волос. – Повесить бы тебя на этом волосе!

Она вдруг принюхалась, будто бы уловила какой-то запах. Побежала в ванную.

– Она вытиралась этим полотенцем! И мылились этой мочалкой! – Рита выбежала из ванной, не переставая принюхиваться. – И сидела в моем кресле! И слушала мою Далиду! Коллега из редакции! Крашенная блондинка! Шлюха! – Рита носилась по квартире, воссоздавая последовательность всех перемещений и действий таинственной крашеной блондинки.

– Извини. Такое больше не повторится, – промямлил Феликс. Скорбно вздохнув, добавил: – Она совершенно глупая и неинтересная.

Он вовремя уклонился от полетевшего в его голову тюбика помады.

Схватив с кресла свою футболку, Рита метнула в него еще одну молнию:

– Бог тебя накажет, еще как накажет! Попомни мои слова!

И дверь за нею захлопнулась.

Глава 2

Вскоре после этого случая – новая неприятность: пропал у Феликса голос. С того момента, когда Рита ушла от него, в горле у Феликса постоянно першило, горело, и было там нестерпимо горько.

Теперь каждый день для него начинался так: пробуждаясь, он осторожно, с напряженным ожиданием, проглатывал слюну, затем произносил пробное: «до-о, ре-э» и... издавал стон отчаяния.

Если пить теплое молоко, сосать леденцы, не есть ни соленого, ни острого, то жить еще можно. Еще можно вещать у микрофона в студии, правда, уже не так, как прежде, не с такими обертонами. Но самое страшное – горловые спазмы.

...Феликс, в наушниках, ведет передачу. Как обычно, острит, импровизирует: «Леди и джентльмены, Феликс по-прежнему и навеки с вами. Хочу сообщить вам потрясающую новость, чтоб я так жи-ил-к-ха-г-гэ!..» Вдруг прикладывает руки к горлу, рот его раскрывается так широко, что видны две амальгамовые пломбы на задних зубах. Наушники слетают с его головы. И Феликс-соловей с выпученными глазами задыхается в кресле, как больная ворона.

Он пошел на прием к отоларингологу. Врач сделал снимки и тесты, сказал, что с медицинской точки зрения, похоже, ничего серьезного: из-за возраста меняется тон голосовых связок, а горловые спазмы, скорее всего, нервного характера. Такое бывает. Со временем все должно восстановиться. Выписал микстуру, посоветовал не курить, не пить алкоголь, беречь горло от простуд. Не нервничать.

Феликс бредет по вечерней улице, задумчиво почесывая макушку лысеющей головы. «Что же делать? Ждать, когда уволят из радиостудии? Или уйти самому? Сотрудники уже ядовито шутят, мол, тебе пора искать работу на армянском радио. Э-эх, просадил, не сберег голос! Но куда же я подамся, если уволят?.. А как быть с Ритой? И надо ж было случиться такой неприятности. Н-да...»

Глава 3

В черном костюме и при галстукe Феликс сидел в просторной приемной, ожидая вызова на интервью.

– Волнуешься? – блеющим голосом спросил его сидевший рядом мужчина, по-видимому – его сверстник.

– Да, немного.

– Признаться, я тоже переживаю. Меня зовут Мартин, – мужчина протянул Феликсу худую руку.

Мартин – в старомодном костюме и несколько жеваном галстукe. Его голова на тощей индюшачьей шее крупновата для такого хлипкого тела. На голове ключья пегих волос, очки на носу.

Разговорились. Мартин когда-то закончил колледж, учился на бизнес-администратора, работал в маркетинговых компаниях. Но серия обвалов на Уолл-стрит и начавшийся экономический кризис вышвырнули Мартина, как пучок морской травы, на берег безработицы и мытарств. По специальности ему всё никак не устроиться.

– Ждать я больше не могу, мне нечем платить за квартиру. Нужно браться за любую, самую непрестижную работу. Возьмут в охрану – слава Богу! Кто знает, может, Всевышний желает опустить

меня на самое дно, чтобы потом вознести до небес? С евреями такое случалось, – блеял Мартин. – А вдруг как охранник я спасу от покушения какого-нибудь политика? Или услужу какой-нибудь миллиардерше, скажем, подниму ее упавшую перчатку, и в благодарность она предложит мне хорошую работу или даже сделает своим любовником. А ты здесь как очутился?

– Так же, как и ты. Уволили с работы. Я был радиожурх... – Феликс запнулся. В горле опасно запершило, что предвещало спазм. Он осторожно проглотил слюну и, когда все успокоилось, продолжил: – Я был радиожурналистом. И вдруг, в один день, что-то случилось с голосом.

– Что же, кроме как в охрану, тебе некуда было податься? – вмешалась в разговор сидевшая рядом чернокожая дама средних лет, весьма плотной комплекции. Ее круглое лицо с мясистыми щеками и крупным носом обрамляли неестественно гладкие черные волосы, отливающие лаком. – Простите, джентльмены, что вторгаюсь в вашу беседу. Но я еще никогда не была близко знакома с журналистом. Помню, когда-то у нас в Гарлеме подожгли дом, и я тогда дала интервью телевизионщикам «Тринадцатого канала». Но они, скоты, те кадры вырезали. Соседи потом шутили, что я своей большой задницей якобы заслонила всё обгоревшее здание, – она расхохоталась. – Меня зовут Бренда.

– Неужели никакие связи не помогли радиожурналисту? – допытывался Мартин.

– Никакие. В жизни ведь как: пока ты работаешь – ты чем-то полезен, у тебя куча знакомых, телефон трещит, не умолкая. Завтра ты

уволен – и все, тишина, как на кладбище; ты никому не нужен и всеми забыт.

– Да, это правда, – в один голос подтвердили Мартин и Бренда.

XXX

В просторном кабинете за столом – мужчина лет пятидесяти пяти. Хорошо сохранившаяся выправка и загорелое, с желваками, деревянное лицо выдают в нем отставного военного.

– Значит, говоришь, работал в России милиционером? – спросил он.

– Да, сэр, – ответил Феликс.

– Участвовал в операциях по задержанию преступников? Имел номерное оружие?

– Да, сэр.

– Имеешь боевые награды?

– Нет, сэр.

– Почему ты так хрипишь? Это что, результат ранения?

– Нет, сэр. Просто легкая простуда.

Начальник держит в руках резюме, где изложена вымышленная трудовая биография Феликса – бывшего доблестного одесского милиционера, который по приезде в Нью-Йорк и до последнего времени работал охранником на русской радиостанции на Брайтон-Бич. А теперь решил попробовать себя на «более серьезных объектах».

– Понимаете, сэр, я хочу сделать настоящую карьеру, продвинуться по служебной лестнице, – говорит Феликс, ерзая на стуле.

– Хочешь влиться в Америку, порвать со всем русским? А я вот Россию забыть не могу.

– Ваши родители?..

– Нет, я – из ирландцев. Но несколько лет назад ездил с коллегами в Москву по обмену опытом. Соревновались там с вашими копами на стрельбище, боролись на татами, даже ездили на охоту. А водки выпили – у-у-у... – его глазки-щелочки чуточку расширились. – «Столичная» – вэри гуд!

Начальник подколол резюме Феликса к другим:

– О'кей, парень, беру тебя. Отправлю на отличный объект.

Глава 4

Лысоватый мужчина в черном элегантном пальто, застегнутом на все пуговицы и с поднятым воротником, закинув ногу на ногу, сидит в вагоне полуночного метро. Судя по всему, он – важный гусь: биржевой брокер или адвокат. Впрочем, есть что-то ненатуральное, искусственное в его облике. Залез в пальто, как в футляр.

Предстоящая работа, как все неизвестное, слегка волновала и манила его. До сих пор, несмотря на достаточно широкий круг общения и контактов, Феликс все же оставался в рамках русской эмигрантской жизни. В Нью-Йорке продолжал заниматься тем же, чем и в Одессе, – радиожурналистикой. Мог ли он себе представить, что ему придется работать охранником, стоять на посту, за кем-то гоняться, кого-то задерживать?

Но что же ему оставалось делать? Куда было податься русскоязычному радиожурналисту с сорванным голосом и горловыми

спазмами? Разве что устроиться в газету. Но в русских газетах Нью-Йорка шли повальные сокращения. А для американской журналистики его английский был слабоват.

Зато стать охранником – проще простого. Показал свой школьный аттестат, наврал на интервью, что в Одессе был ментом, а в Нью-Йорке работал охранником. Скорее всего, ему не поверили. Но взяли. Спасибо, сэр. Потому что в нью-йоркскую охрану берут практически всех желающих.

Обращал ли Феликс когда-нибудь внимание на охранников – мужчин в униформе, которыми, как тараканами, кишит Нью-Йорк? Нет, конечно. Зачем они ему?

Правда, однажды зимой остановился и долго, со странным любопытством, рассматривал огромного негра у входа в манхэттенский небоскреб. В широкой куртке с нагрудной эмблемой, в черной шапке-ушанке и болтающихся на промозгом ветру штанах, этот парень стоял как вкопанный. Мелкий снежок сек ему лицо, попадал в покрасневшие глаза. Мимо Феликса мчались машины, его задевали торопливые прохожие. И тут – застывший черный истукан в униформе. Что-то жутковатое было в этой картине...

Звезда Феликса-радиожурналиста тогда была в зените. Он отточил свое мастерство, заимствуя приемы лучших российских и американских радиоведущих. Умел, что называется, довести публику до накала – до слез или хохота, устраивал радиоскандалы. И во всех его репликах сквозила ирония, балансирующая на тонкой грани добродушного юмора и убийственного сарказма.

Почему же он тогда остановился напротив того застывшего, как истукан, чернокожего и потом долго не мог его забыть? Увидел ли в его облике нечто зловеще пророческое для себя?

И вот теперь Феликс облачен в униформу охранника. Едет на «отличный объект»...

XXX

Перед Феликсом – знаменитый небоскреб Time Tower в Манхэттене. На первых пяти этажах небоскреба – супермаркет с бутиками мировых брэндов, ресторанами, барами, банками и т.д.

Через дверь-вертушку Феликс вошел внутрь этого гигантского супермаркета. Здесь все вычищено, вылизано, сияют витрины магазинов, сверкает мраморный пол. Огромные круглые часы на стене показывают без четверти двенадцать ночи.

– Могу ли я вам чем-то помочь? – услужливо спросил его невысокий мужчина в униформе, с черными усиками, возникший перед Феликсом как из-под земли.

– Я направлен сюда на работу.

Мужчина приосанился. Видимо, решил, что стоящий перед ним господин в элегантном пальто – инспектор из главного офиса.

– Я здесь буду работать охранником, – промямлил Феликс.

– А-а, вот оно что... – мужчина плотоядно улыбнулся. – Тогда будем знакомы. Я – супервайзер смены Хуан. А тебя как зовут?

– Феликс.

– Понятно. Впрочем, имя теперь тебе не нужно. Твой пост будет вот здесь, поэтому ты будешь отныне называться не Феликсом, а «Ноль-один». Запомнил?

– Да.

– Не «да», а «десять-четыре», что означает – «понял». Мы в охране используем закодированный язык, чтобы враг не узнал, о чем наши разговоры. Ничего, я быстро сделаю из тебя профессионала. А теперь – шагом марш в оперативный пункт. Там получишь рацию и – сразу назад, на пост. Форма на тебе? Галстук завязан? – как-то уж слишком по-хозяйски Хуан расстегнул верхние пуговицы Феликсового пальто.

...Часы на стене били двенадцать. «Бам-м... Бам-м...» – густой гул расплывался по всем пяти этажам супермаркета. По пустому холлу ходил Феликс в униформе. Рассматривал манекены в витринах фирменных бутиков.

Феликс-пижон смотрел на модные рубашечки, плащики и пиджачки на манекенах. Классная одежда, стильная и без претензий. Все хорошо, если бы не маленькие ярлычки, свисающие с рукавов и штанин. «Сколько?! В переводе на мою почасовую зарплату, на мое патрулирование. Ну-ка, если подсчитать...»

Пройдет совсем немного времени, и Феликс переместится в новый мир, где все будет измерять своим почасовым патрулированием: кусок пиццы с кофе – час патрулирования, бритвенный прибор – два часа патрулирования, бутылка коньяка – три часа. Куда бы он ни бросил взгляд, что бы ни вздумал купить – отныне всё будет переводиться в часы патрулирования...

Он бессмысленно ходил по пустому холлу, от одной двери к другой. Почти все магазины и рестораны уже были закрыты, супермаркет покидали последние посетители. В общем, все тихо, спокойно. Феликс ждал, когда же начнет что-то делать. Он еще не понимал, в чем заключается его новая работа, в чем, так сказать, ее профессиональная соль. Не догадывался, что, став охранником, он очутился в мире чистой абстракции. Ему предстояло делать ВРЕМЯ.

Остановившись у наружной стеклянной двери, он долго смотрел на залитую огнями площадь, в центре которой на высоченной роstralной колонне стоит Колумб. Точно так же перед Потемкинской лестницей стоит в Одессе знаменитый бронзовый Дюк.

Бог ты мой! Давно ли мальчик Феля в коротких штанишках сбегал по той лестнице, не замечая, как натирают кожу ремешки сандалий? Впереди – синева и порт. На тросах кранов парят огромные ящики из заморских стран. На старом морвокзале – бочки румынского компота, греческие сухофрукты с бананами, желтые горы кубинского сахара. И бежал, неся кудрявый мальчуган, провожаемый взглядом добродушного Дюка, герцога де Ришелье, с которым всегда связывалась мечта о дальних странах, скитаниях, приключениях...

Там, в Одессе, на том берегу, остался и бронзовый Дюк, и родители, и квартира в доме, построенном из самого теплого на Земле тысячелетнего ракушечника, и могила бабушки...

– Ноль-один, оглянись! – вдруг затрещал в рации голос Хуана. – В супермаркете подозрительные типы!

Феликс оглянулся.

– Не туда, не туда смотришь! – разрывалась рация.

– Вижу, – он пошел навстречу странной парочке.

Сутуловатый мужчина плелся по холлу, слегка припадая на левую ногу. Рядом с ним – огромная чернокожая женщина. Мартин и Бренда! На Мартине униформа висела, как на вешалке, зато на Бренде все бугрилось и трещало.

– Привет, рад тебя здесь видеть. Значит, будем работать вместе?

– поправив очки на носу, Мартин печально улыбнулся.

– Да, – ответил Феликс, уловив легкий запах алкоголя, исходивший от Мартина.

Глава 5

И началась у Феликса новая жизнь.

Знакомился с коллегами. Первый – пуэрториканец Хуан, непосредственный его начальник, неутомимый команданте.

Как заводной автомат, Хуан перемещался по всему супермаркету, не давая спуску подчиненным. Заглядывал во все урны, дабы убедиться, что в них нет ничего подозрительного, скажем, бомбы. Никаких бомб в них, к счастью, не оказывалось, зато мусором они переполнялись часто. Тогда Хуан вызывал по рации уборщиков, а к этому месту приставлял охранника.

Хуана можно увидеть возле бара, отчитывающим нерадивого охранника за то, что тот подглядывает в щелки между штор, как бегают по залу полуголые официантки. А через секунду Хуан – в гараже, выговаривает другому охраннику за то, что тот сидит на стуле, жрёт бананы и листает порножурнал. Хуан везде, как Дух, он веет, где хочет.

Хуан, однако, не так прост, как может показаться. Он еще и горячий религиозный проповедник. Будучи прихожанином небольшой католической церкви в Бронксе, он даже выступает там с проповедями, специально для этого закончив какой-то богословский класс. Феликс вполне мог себе представить церквушку в Бронксе, где у алтаря неистовствует Хуан: «Дети мои! Близится день Страшного Суда, и вы должны помнить! – каждый грешник в этот день будет ввергнут в геенну огненную с мельничным жерновом на шее!...»

У Хуана большая семья: трое собственных и двое усыновленных детей; всех родных сыновей зовут Хуанами Младшими. (За усыновленных детей он получает деньги от государства.) Его жена ведет хозяйство и воспитывает детей.

Словом, Хуан являет собой пример служаки, проповедника и образцового семьянина, которому уже уготовлено местечко в раю.

Но только вот... Какие-то странные у него глаза: почти не видна роговица, а одни только расширенные зрачки. При всей зоркости ястребиного взгляда, эти глаза смотрят как бы в никуда...

Нет, не может быть! В маленькой темной подсобке супермаркета, за трубой, лежат пакетики с белым порошком. Через каждые три-четыре часа, когда движения Хуана немного замедляются, а упругость походки исчезает, он скрывается в этой таинственной подсобке. Затем оттуда доносятся странные посапывания и блаженные вздохи, и вскоре, рожденный заново, накокаиненный Хуан ястребом летит клевать подчиненных.

Отношения у них с Феликсом чудесные. По решению Хуана, Феликс ныне и присно – на закрепленном за ним посту, на первом этаже, возле эскалатора, рядом с урной. Его задача – следить и

охранять. Следить, чтобы урна не переполнялась мусором, а если такое случится, – немедленно рапортовать Хуану. Следить, чтобы эскалатор не останавливался. Чтобы никаких ЧП – ругани, падений покупателей на этаже. Наблюдать за подозрительными субъектами – возможными ворами или террористами. Но главное внимание все-таки сосредоточить на урне...

Глава 6

Начало дневной смены. Ты еще свеж, еще полон сил и энергии. Входишь в раздевалку. Охранники облачаются в униформу. В основном, это крепкие чернокожие ребята из Гарлема. Они о чем-то громко болтают, хохочут. Некоторые дожевывают сэндвичи, пьют пепси. Крошки, соусы, пена сыплются, проливаются на их белые рубашки, которые, впрочем, уже давно не белые, а серые, с желтыми кругами пота под мышками. Смех, шутки, грохот шкафчиков.

Феликсу, правда, не смешно. Специфический сленг своих новых коллег – гарлемских негров, он едва понимает. Все же их беззаботность и ощущение команды, подчиненной единой цели, смутно передается и ему. Переодевшись в униформу, он спешит в оперативный пункт, получать рацию.

Там старший оператор Фрэнк сидит за пультами и неустанно смотрит на огромное настенное табло, состоящее из множества экранов. На экранах – магазины, коридоры, пожарные лестницы, разгрузочные площадки. Триста вращающихся видеокамер работают круглосуточно. Причем поворот каждой видеокамеры рассчитан с

точностью до секунды так, чтобы ни одна мышь в супермаркете не прошмыгнула незамеченной!

В униформе и с рацией в руке Феликс спускается на пост. Но перед этим новую смену охраны, выстроив шеренгой, осматривает Хуан. Выглажены ли брюки? Свежи ли рубашки? Выбрита ли шея на затылке? Впрочем, на мятые брюки и грязные рубашки Хуан смотрит сквозь пальцы. Кто может заставить этих оборотов гладить брюки? Никто. Тут бессилен даже Хуан.

Но что ему по силам, что лежит в пределах его возможностей, – это галстук. Хуан непревзойденный мастер завязывать и поправлять галстуки. Делает он это с маниакальным упорством: пристально глядит на стоящего перед ним охранника, затем ловким движением подтягивает узел его галстука до предела вверх и чтобы строго по центру.

Когда очередь доходит до Феликса и галстук удавкой стягивает его шею, Феликс громко хрипит и вываливает изо рта язык. Все присутствующие дружно хохочут, в том числе и Хуан, который отнюдь не лишен чувства юмора.

Глава 7

Уж небо дышало ноябрем. Великолепное небо над великолепным городом. Листья пестрыми бабочками летели с деревьев, устлали ковром Центральный парк, его каменистые холмы, широкие поляны и спуски к тихим озерам.

Своим западным углом парк выходит на площадь Колумба, где жизнь никогда не прекращается. Хорош этот район днем. Но еще

лучше он в полночь, когда шум утихает и зажигаются фонари. Их свет струится в нью-йоркскую ночь: возле фонтанов сидят влюбленные парочки, неподалеку от отелей стоят прогулочные конные экипажи, в подземку с последнего сеанса спешат киноманы.

На одной из скамеек – Феликс и Мартин. Оба в куртках, без шапок.

– Сам не знаю, как и почему это со мной случилось, – признается Мартин. – В колледже я пил наравне со всеми – за компанию. Когда устраивался на работу, пил потому, что находился под сильным стрессом. Когда увольняли, пил потому, что был в депрессии. Тем не менее, я не считаю себя алкоголиком. Все же, на всякий случай, недавно начал посещать собрания «Анонимных алкоголиков».

– И как – помогает?

– Вроде бы. Уже две недели не беру в рот ни капли спиртного.

От Мартина веет беспросветной тоской. Он постоянно жалуется. Ему словно не сорок, а четыре тысячи лет.

Феликсу тоже хочется поделиться наболевшим:

– А на меня, знаешь, внезапно посыпались беды, одна за другой. Теперь я человек без любимой работы, без имени и без голоса. Прихожу после смены домой в половине второго ночи, а спать не хочется. Настроение, сам понимаешь, препаршивое. В баре – бутылка коньяка. Выпиваю пару рюмок. Потом сижу, мечтаю...

– По-моему, ты тоже алкоголик.

– Неужели?

– Я не врач, но всё это похоже на раннюю стадию алкоголизма. По крайней мере, я сам когда-то так начинал. Хочешь, присоединяйся – будем вместе ходить на собрания «Анонимных алкоголиков». Там

такие классные девушки-алкоголички, что глаз не оторвать... Кстати, ты звонил Рите? – спрашивает Мартин, посвященный в «любовную историю» Феликса.

– Звонил пару раз. Но она не отвечается.

– По-моему, приятель, на тебе лежит какое-то проклятие. Я не раввин, но без вмешательства высших сил, похоже, здесь не обошлось.

– Что же теперь делать? – спрашивает Феликс ироничным тоном.

– Ты в синагоге когда был в последний раз? Шаббат соблюдаешь? Молишься?

– Я в синагогу давно не хожу и не молюсь, – холодно отвечает Феликс.

...Бог, синагога, Шаббат. Бабушка Аня, махонькая бабушка, воссиявшая для Феликса настоящим солнцем, согрешившая все его детство и отрочество. Перед ним возникло лицо с длинным, крючковатым носом, седые реденькие волосы, собранные узлом на затылке. И бесконечно мудрые, добрые, всепонимающие и всепрощающие глаза.

Была ли она религиозной? Вряд ли. Во всяком случае, чтобы бабушка исполняла обряды иудаизма, Феликс не замечал. Конечно, с соседкой, бабой Фирой, разговаривала на идиш. Конечно же, готовила и традиционную фаршированную рыбу, и куриный бульон с клецками, и печенье, посыпанное сахаром, – длинные сладкие палочки из теста, которые называла «пальчиками». Порою маленький Феликс тоже вылепливал из теста разные фигурки и укладывал их на блестящий противень, смазанный подсолнечным маслом.

Однако готовила бабушка Аня и абсолютно «некошерный» холодец из свиных ножек. Варила ножки ночью в большом казане, и

вся квартира наполнялась густым запахом вареного жира и мяса с чесноком. Утром Феликс любил обглаживать те вываренные кости, высасывая из всех дырочек пахучий, сладковатый жир.

По субботам, вместо того, чтобы соблюдать Шаббат, бабушка ходила на базар, где торговалась за каждую копейку. В субботу, как и в другие дни недели, подметала, мыла посуду, стирала белье.

Шаббат ее начинался только под вечер, когда все уже было убрано, обед приготовлен, белье сушилось на веревках. Внучек Феликс лежал в кровати, а родители смотрели телевизор. Тогда и бабушка Аня, пригладив свои реденькие волосы, тоже садилась к столу и наливала себе стакан чая...

Но Шаббат у бабушки Ани был в сердце. Как-то вот так – наперекор всем разумным понятиям, будучи постоянно занята самыми разными делами и сиюминутными заботами, она ни на мгновение не забывала про Всевышнего, уповала на Его великую милость и боялась Его великого гнева...

Был такой период в одесской жизни Феликса, когда он всерьез попытался стать настоящим иудеем. Ходил в синагогу, надевал белый полосатый талес, обматывал руку кожаными ремешками тфилин. Стал изучать древний иврит. Священным трепетом порой проникалась его душа от обстановки в синагоге – от пения кантора, от вида свитка в Ковчеге, от таинственных слов на древнем языке.

Со временем, однако, этот порыв угас, все попытки Феликса по-настоящему обратиться в иудаизм стали ему казаться ненатуральными, надуманными, очередной авантюрой.

Потом, уже в Нью-Йорке он снова попытался припасть к истокам веры, но тоже вскоре охладел...

– Значит, на мне лежит какое-то проклятие, – Феликс хмыкнул. Перед ним порывом ветра в лужу нанесло пожухлые листья.

– Ты, гляжу, совсем скис, – сказал чуткий Мартин. – Тебе надо немножко развеяться. Есть интересное предложение.

XXX

У входа в стриптиз-клуб стайка подростков упрашивала швейцара впустить их, уверяя, что им уже по двадцати одному году. Но швейцар их не впускал, требуя предъявить удостоверение личности. Зато вежливо уступил дорогу Мартину и Феликсу.

В дверях миловидная блондинка в короткой юбочке объяснила им, что каждый гость при входе обязан купить бутылку пива.

– За бутылку пива – двадцать баксов? – возмутился Феликс, беря у официантки маленькую бутылку «Будвайзера». – А врут, что вход бесплатный.

– За всё в этом мире надо платить, – изрек мудрый Мартин. Его лицо, обычно бледное, немного зарумянилось. – Кстати, можешь выпить и мою бутылку, я ведь с алкоголем завязал.

В зале грохотала музыка, вспыхивали огни. Бар сверкал бокалами, от стенки к стенке тянулись батареи бутылок со спиртным.

– Скажу тебе по секрету, я иногда сюда захоживаю, чтобы поднять себе настроение, – признался Мартин, когда они сели за столик. Он с завистью покосился на Феликса, который поднес ко рту открытую бутылку пива.

На подиум выходили стриптизерши в ярких платьях. В динамиках звучал веселый голос ди-джея, призывавшего мужчин быть

настоящими джентльменами, не жмотничать и не отказывать девчонкам во всех их капризах.

– Помню, когда-то я брал радиоинтервью у одной русской стриптизерши. Она была замужем и, по ее словам, боготворила своего мужа. Она зарабатывала за ночь до пятисот долларов, и все деньги приносила в семью.

– Вот бы мне такую жену, – мечтательно протянул Мартин и, взяв со стола бутылку пива, налил себе в бокал. – Что-то в горле пересохло. Сделаю глоточек.

Музыка гремела, стриптизерши на сцене, раздевшись до трусиков, танцевали у серебристых шестов.

– Хотите лэп-дэнс, ребята? – то и дело спрашивали у приятелей подходившие к их столику девушки.

– Спасибо, попозже, – вежливо отказывал им Мартин. – А вот еще от одной бутылочки пива, пожалуй, не откажусь. И от рюмки коньяку тоже.

После отработанной смены, с голодухи, от пива и коньяка – в голове Феликса зашумело. Крашенные женские губы, улыбки. Сползающие с тел платья. Бесконечные предложения уединиться на интимный танец.

– О'кей, пошли, – сказал Феликс, вставая.

Он выбрал ее, когда она танцевала на сцене, а теперь спустилась в зал, предлагая мужчинам танец на коленях.

– Как тебя зовут? – спросила девушка, увлекая Феликса вглубь темного зала, где вдоль стен стояли широкие кресла. В креслах сидели мужчины, у них на коленях, как змеи, извивались голые танцовщицы.

– У меня нет имени. Я – секретный агент Ноль-один, – пошутил он. – А тебя как звать?

– Мэри.

На ней было красное декольтированное платье. Короткая стрижка, красивое лицо с правильными чертами. Глаз ее он не разглядел – слишком темно.

– Садись, – она указала ему на свободное кресло. – С тебя двадцать баксов.

Он дал ей двадцать долларов. Через мгновение красное платье сползло с нее, и девушка осталась в одних трусиках.

...Она «танцевала» у него на коленях. Кожа у нее была гладкой, как нежнейший шелк. А когда его пальцы ползли по ее бедрам к заветному тряпичному треугольничку, она ловко сбрасывала их.

Музыка закончилась, и девушка тут же поднялась с его колен.

– Хочешь продолжить? – спросила она ласково.

– Конечно.

– Тогда еще двадцать баксов, – она протянула ему руку с раскрытой ладонью.

Он снова полез в карман.

– Я тебе нравлюсь? – спросила девушка во время исполнения нового танца.

– Ты бесподобна.

– Ты мне тоже нравишься. Особенно мне нравится твоя хрипота, как у Дона Карлеоне из фильма «Крестный отец». Хочешь уединиться со мной в «шампань-рум»?

– А что там?

– То же, что и здесь, но там гораздо больше интима. Правда, это чуточку дороже по цене.

– М-м. Надо подумать, – он мысленно подсчитал, сколько у него в кармане остается денег.

– Не лапай меня, здесь это не разрешается. А в «шампань-рум» – можно. Я тебе там разрешу многое... Кстати, если у тебя закончились деньги, возле бара стоит банкомат. Можешь там снять любую сумму.

...В четвертом часу ночи Мартин и Феликс выползли из клуба, пьяные вдрызг.

Мартин, поправляя очки, повторял:

–Я должен признать свое бессилие перед алкоголем. F-fuck!..

– Пятьсот баксов! Отдал ей пятьсот баксов! Это же пятьдесят часов стояния на посту! – сокрушался Феликс.

Глава 8

Ноль-Феликс изнывал на первом этаже, а на втором страдал такой же ноль-Мартин. Начальник смены Хуан не сводил с подчиненных зорких очей. Но Господь сжалился над ними и послал в супермаркет турка Юсупа.

С кривым, как ятаган, носом, толстощекий и черноволосый, Юсуп провалил экзамены в нью-йоркскую полицию и решил пока поработать охранником.

Хуан от него был в восторге. Наконец-то в ораве этих разгильдяев и пьяниц появился хоть один исполнительный работник!

Рация Юсупа не умолкала:

– Хуан, это Юсуп! Возле магазина «Армани» урна переполнена. Хуан, это Юсуп. Возле бара «Каменная Роза» на полу разлит кофе. Хуан, в туалете на четвертом этаже в первой кабине сливной бачок плохо работает. Хуан! Ху-уа-ан!..

Большинство охранников видели в Юсупе редкого придурка и холуя. Лишь проницательная Бренда уверяла, что этот парень себе на уме, карьерист и, если потребуется, то пойдет и по трупам.

...В пятницу, в день зарплаты, Юсуп направляется в какой-либо из фирменных бутиков в супермаркете. Его тут же окружают продавщицы. Молоденькие, хорошенькие. Словно мотыльки, порхают вокруг него, предлагая купить футболку или штанишки.

Стыдливый румянец сжигает щеки Юсупа. Вероятно, он видит себя султаном в гареме. Продавщицы знают свое дело: льстят Юсупу, уверяя, что эта футболка отлично подчеркивает его атлетический торс, а эти джинсы соответствуют его мужественному лицу.

– Мне эти тряпки вообще-то не нужны, – признался он однажды Феликсу.

– Зачем же ты их покупаешь? Ты вкалываешь по две смены – по шестнадцать часов, а иногда – и круглые сутки. Ты же в этом супермаркете практически живешь! Зачем же тебе, Юсуп, такие дорогие свитера и куртки? Куда тебе в них ходить? Купи себе лучше еще один набор трусов от «Келвина Клейна», чтобы их менять под униформой.

– Понимаешь, я... девственник, еще ни разу не был с женщиной. Вот, я и хожу в эти магазины в надежде подцепить продавщицу.

Тайна Юсупа быстро расплзлась по Time Tower: ни сам Юсуп, ни те, с кем он был откровенен, не умели держать язык за зубами.

Девственностью Юсупа, вернее, тем, как ему с ней расстаться, озаботились все охранники супермаркета. Кто-то предлагал Юсупу познакомить его с «классной девочкой» из Гарлема, Феликс с Мартином звали его в стриптиз-клуб.

– Приведите турка ко мне, я тоже девственница, – шутила Бренда.

Глава 9

Если у Юсупа женский вопрос буксовал, то Феликс на полных парах катился по наклонной. Стриптизерша по имени Мэри не покидала его воображения. Ее прекрасный образ преследовал его: пальцы Феликса помнили шелковистую кожу ее бедер; он как будто все еще слышал ее ласковый голос и вдыхал пьянящий аромат ее тела. Мэри! Мэри!..

После смены он шел в тот стриптиз-клуб по полуночным манхэттенским улицам. Полуночный Манхэттен пьянит: сверкание неоновых огней, визг машин, смех тысяч туристов. И во всем этом сквозит смутное, едва уловимое отчаяние...

Каждый раз Феликс обещал себе тратить в том клубе по минимуму – только обязательные двадцать долларов за бутылку пива при входе.

Мэри среди танцовщиц почему-то не было. Он шарил взглядом по всем темным закоулкам в зале, смотрел на сцену, разглядывал официанток.

Потихоньку от грохочущей музыки, сверкания огней, от вида постоянно раздевающихся женщин, громкого хохота, шепота в самые

уши – чувство реальности уплывало. Феликс заказывал еще пиво, потом и коньяк. Захмелевший, выбирал себе какую-нибудь девушку и уходил с ней в темноту...

Вскоре он близко познакомился с Бетти, которая была так же нежна, как Мэри. Потом с Самантой. Стал приглашать их к себе домой.

Да, он был там желанным гостем. Стриптизерши, эти феи, уносили его в мир грез и фантазий. Унося, правда, под резинками своих трусиков его деньги.

Кстати, о деньгах. С недавних пор зарплаты ему катастрофически не хватало, чтобы оплачивать фантастически растущие долги. Портмоне Феликса заметно вздулось от... новых кредитных карточек.

Глава 10

В огромном гараже Time Tower душно, пыльно, грохот от разгрузки траков.

В укромном уголке пристроился чернокожий крепыш Брайан. Это его пост. Брайан – бывший пехотинец, служил в Афганистане. Вернувшись из армии и не зная, куда себя деть, пошел работать в охрану.

Возле него – большой картонный ящик с отличными овощами и фруктами: их груды ежедневно выбрасывают из ресторанов только потому, что истек срок годности.

Брайан должен охранять гараж, следить чтобы здесь не мусорили, соблюдали меры пожарной безопасности. Чтобы террористы, не дай Бог, не въехали сюда на траке со взрывчаткой.

Да, по идее, Брайан должен каждую минуту быть начеку. Но быть начеку семь часов подряд в пыльном, душном гараже небоскреба не так-то просто.

К тому же, Брайана часто посещает вдохновение. Бросив короткий взгляд на огромный гараж и, убедившись, что все здесь в порядке, он погружается в творчество. Черной ручкой на белом листе рисует обнаженных женщин. Какие уж тут, извините, террористы и поджигатели, если всё его внимание сейчас сосредоточено на изображении прелестной женской фигуры?!

Иногда Феликс, ненадолго покидая свой пост, спускался в гараж, чтобы поболтать с Брайаном.

...– Садись, бро, отдохни, – Брайан предлагает гостю разбитое кресло. – Слава Богу, что мой пост в этом подвале. Тут хоть и пыль, и вонища, зато ноги свои берегу. Представляю, каково стоять семь часов кряду на одном месте! Взгляни на мои новые работы, – он передает Феликсу альбом. – Нравится?

– Да, хорошие рисунки. Ты – талант, – хвалит его Феликс, рассматривая галерею голых дебелих женских тел.

Польщенный Брайан улыбается. Глаза у него слегка мутные от марихуаны.

– Угощайся, – он показывает Феликсу на ящик с фруктами: – Вот так, бро, работа у нас тяжелая, а платят гроши. Нормальных денег здесь никогда не заработаешь. Как твой голос? Все хрипишь?

– Да, хриплю.

– Чего же ты ждешь? А если твой голос никогда не восстановится? Я бы на твоём месте не ждал и переучился на программиста или врача. И жил бы как белый человек.

– Сам уже об этом думал не раз, – отвечает Феликс. – Но беда в том, что я хочу быть только радиожурналистом, и больше никем. И представить себя могу только в радиостудии у микрофона.

– Понимаю, бро. Вот и я тоже, как ты, не знаю, куда себя деть. Люблю только рисовать женские задницы, но это, увы, не профессия. Видимо, плюну на всё и начну торговать наркотой.

Пожав плечами, Феликс берет из ящика яблоко и уходит.

Глава 11

Однажды Мартин предложил Феликсу пойти вместе с ним в синагогу. По словам Мартина, там будут отмечать какой-то необычный праздник.

– Тебе, дружище, тоже не мешало бы туда сходить. Ты же еврей.

Феликс в ответ пробурчал что-то невнятное. Но, узнав, где находится эта синагога, неожиданно согласился.

...День выдался пасмурный, сыпал мелкий снежок.

– Сейчас объясню, на какой праздник мы попадем: один благочестивый еврей от руки переписал всю Тору. На это у него ушло целых три года! Сегодня он впишет туда последнюю букву и подарит свиток храму, – пояснил Мартин, когда они с Феликсом поднялись по лестнице и очутились в холле синагоги.

Там на столе в соломенных корзинках лежали ермолки. Выбранная ермолка оказалась маловатой для крупной головы Мартина, зато Феликсу досталась большая, лежавшая у него на макушке, как лист лопуха.

В зале было людно, почти все места заняты. У кафедры стояла группка бородатых хасидов и с ними какой-то упитанный господин в костюме. (Судя по всему, он и был тем благочестивым евреем, который потратил три года на переписывание Торы.) Господин держал в руках белое гусиное перо.

– Похоже, мы пришли к самому концу, – сказал Мартин, присаживаясь.

Органистом был хасид-музыкант довольно неопрятного вида. Вообще, все здесь выглядело серым и бедным: обшарпанные стены, поцарапанные скамейки. Тусклым был и свет, льющийся с улицы сквозь цветные витражи.

Феликс взял со скамейки молитвенник, перелистал. Вспомнил бабушку Аню, то, как пекли с ней сладкие «пальчики», вместе ходили на базар, как бабушка частенько называла своего непослушного внука шлемазл...

Оторвав глаза от молитвенника, Феликс стал всматриваться в женщин, сидевших в правом, женском крыле. Шляпки, вуальки, парики. И вдруг... Неужели???

Он больно ущипнул себя за ногу, чтобы убедиться – это не сон.

Рита! В черной элегантной кепочке с козырьком, в приталенном темно-синем «деловом» платье она сидела на скамейке, склонив голову.

Феликс не сводил с нее глаз. У него защемило сердце. Ему показалось, что за время их разлуки Рита изменилась: на ее лице лежала тень глубокой печали. Он подумал, что, вероятно, он и есть виновник этой печали, что их расставание для Риты тоже стало испытанием. Ведь она любила его...

И всё в этой старой синагоге как-то вмиг преобразилось: заиграл свет в витражах, засверкали вышитые серебром узоры на облачениях; хасиды – в большинстве своем тощие, бледные, какие-то неуклюжие и болезненные, сейчас выглядели строгими и суровыми хранителями древней веры...

«Боже, как я люблю ее... – думал Феликс, наблюдая за Ритой. – Она самая прекрасная женщина из всех, кого я знал!..»

Рита, видимо, почувствовала на себе его пристальный взгляд. Повернула голову. Вздрогнула от неожиданности. Феликс разглядел проступивший румянец на ее щеках.

Белое гусиное перо, тем временем, плыло по рукам хасидов. Затем окунулось в чернильницу на кафедре. Кантор взял самую высокую ноту:

– Бо-а-рух! Адоне-эй...

И перо в руке раввина опустилось на свиток Торы, и была дописана последняя буква.

Тишина.

– Y-e-es!!! Дописана Тора! Шма, Израэль! – взорвалась возгласами синагога.

Грянул орган. Свиток накрыли пурпурным бархатным чехлом и понесли на улицу.

– Вот и всё, – промолвил Мартин, вставая.

– Знаешь, кто здесь? Не поверишь. Рита! – сообщил ему Феликс.

Мартин удивленно поднял брови, дескать, бывает же такое.

– Тогда не буду вам мешать, – и пошел следом за всеми к дверям.

На выходе, однако, притормозил. Его взгляд упал на столы с бутылками вина и выпечкой. Он налил себе до краев в пластиковый стаканчик:

– Лехаим! – выпил до дна, придерживая свободной рукой ермолку на голове. – Синагога – единственное место, где еврею разрешается пить. Тем более, в такой день, когда дописана Тора, и встретились влюбленные, и все такое прочее, – он налил себе второй стакан.

.....

– Привет, не ожидала тебя здесь увидеть, – сказала Рита, когда они с Феликсом очутились в холле. Она уже была в дубленке.

– Да, я очень изменился с тех пор, как мы расстались. Теперь живу, можно сказать, как монах: молюсь, часто хожу в синагогу.

– А у меня два месяца назад умер папа от инфаркта, – вздохнула Рита. – Теперь я часто захожу сюда после работы, хорошо, что рядом с домом. Не знаю, почему, но здесь моя душа как-то успокаивается. Здесь я чувствую, что папа не ушел от меня, что он по-прежнему со мной, – голос ее дрогнул, и она умолкла, чтобы не расплакаться.

– Соболезную, – сказал Феликс.

Перед ним возник образ пожилого мужчины – отца Риты. Он относился к Феликсу с большой симпатией, говорил, что старается не пропускать его радиопередачи. Феликсу всегда казалось, что ее отец был бы рад их браку.

– Пошли посмотрим, как этот праздник закончится, – предложила Рита. И, застегнув дубленку, направилась к наружным дверям.

Снег уже сыпал крупными хлопьями, превращаясь в кашу под ногами. Всё было готово к уличному шествию. На дороге стоял джип с прицепом в виде громадного шатра, украшенного лампочками, ветками и живыми цветами. В шатре стояли хасиды и раввин с новым зачехленным свитком Торы в руках.

Шествие началось, полилась веселая музыка. Каждый желающий подходил, и ему доверяли недолго понести бесценный свиток. Остальные хасиды, взявшись за руки, плясали вокруг этого движущегося шатра.

Мартин, пьяненько улыбаясь, тоже туда подошел, протянул руки, и раввин вручил ему свиток. Мартин неожиданно принялся скакать со свитком, как козел, прижавшись щекой к бархатной материи. Его очки съехали на бок, ермолка слетела в снег. Но Мартин не обращал на это внимания. Он весь сиял, светился каким-то неземным счастьем! В нем, всегда производившем впечатление дряхлого старика, вдруг открылось что-то вечно юное...

– Это твой приятель? – спросила Рита, указывая на Мартина. Она шла рядом с Феликсом.

– Да, Мартин – мой новый коллега, очень набожный еврей.

– Как твои дела? – спросила она.

– Как мои дела? – он на миг задумался. Хотел сказать, что дела у него – хуже некуда. Впрочем, его беды не сравнить с тем, что случилось у Риты. – Живу. Работаю. Все как обычно.

– А что случилось с твоим голосом? И почему ты больше не работаешь на радио? А-а!.. – Рита вдруг резко дернулась – она оступилась на снежном месиве у обочины и растянулась бы, если бы не ухватила за рукав Феликса.

Он обнял ее за талию. Прижал к себе и вдруг... поднял на руки и перенес через глубокую лужу. Холодная вода проникла ему в ботинки, носки и джинсы по щиколотку намокли.

Но он не чувствовал этого. Он видел только милые, сверкающие глаза Риты. Он шел не по грязной луже и снежному месиву, а парил с Ритой на седьмом небе.

– Я наверняка тяжелее, чем Тора, – пошутила Рита, когда он опустил ее на Землю. – Признавайся, ты ведь не случайно пришел сюда? Надеялся меня здесь встретить? – неожиданно, обвив его шею, она поцеловала его в губы. – Я тебя тоже очень ждала...

xxx

– Прошу, – промурлыкал он, открывая дверь своей квартиры и пропуская Риту вперед. – Да, кстати, в марте в «Мэдисон» будет выступать Билли Джоел. Хочешь, возьму билет и тебе?

– Конечно, хочу.

Феликс сбросил свои мокрые ботинки и расстегнул ремень джинсов. Даже не заметил, как обнял Риту. Его пальцы расстегнули сзади молнию ее платья.

Словно в медленном танце, они двигались в спальню, расстегивая на ходу друг у друга пуговицы и молнии, оставляя за собой на полу одежду.

– Родной мой...

– Родная моя...

–А-а-а!!! – вдруг закричала Рита, вырвавшись из его объятий. Дрожащей рукой указывала на кровать.

Феликс замер. Медленно повернул голову, но никого на кровати не обнаружил.

– Кто это?! Кто это?! – кричала Рита.

Глаза Феликса вдруг расширились от удивления и ужаса. Из-под одеяла высунулась рука с длинными красными ногтями! Затем показалась голова молодой женщины, ее длинные светлые волосы были распатланы, свисали, закрывая лицо.

Сбросив с себя одеяло, женщина села. Она была совершенно голой. Ее груди, наполненные силиконом, непропорционально большие для такого тощего тела, тяжело колыхались.

Отбросив прядь волос от лица, женщина протерла глаза. Она была то ли спросонья, то ли с перепоя.

– Бе-э-эти? – протянул Феликс. – Почему ты здесь? Ты же должна была утром уйти...

Женщина угрюмо посмотрела сначала на Феликса, потом на Риту.

– О-о, f-fuck... – застонала она, обхватив голову, судя по всему, раскалывавшуюся от боли.

– А чтоб тебе жить на земле стало тошно! – воскликнула Рита, отвесив Феликсу пощечину.

Она наскоро натянула на себя одежду.

И дверь за нею захлопнулась.

Глава 12

Если у Феликса отношения с Всевышним не складывались, то к Юсупу, напротив, Бог приблизился вплотную. Юсупу Бог явил Себя в образе Хуана.

Вышколив Юсупа профессионально, сделав из него отменного охранника, Хуан вдруг вспомнил, что он не только супервайзер смены, но еще и католический проповедник. Почему бы ему не заняться мусульманином Юсупом, одурманенным болтовней мулл?

– Сын мой, ты понимаешь, что ты грешен? – спрашивает Хуан.

Юсуп согласно кивает.

– Я не говорю, что ты хуже остальных. Ты много работаешь, не куришь, не пьешь водку, как другие. Но вот штаны свои не гладишь, шею не подбриваешь, галстук носишь, как попало, – затянув потуже галстук на Юсуповой шее, Хуан продолжает. – То, что ты рассказываешь мне о других охранниках, как они сачкуют и где прячутся вместо того, чтобы охранять объекты, это хорошо. Но почему ты умалчиваешь о том, что сам часами валяешься в подсобке на диване, а мне по рации докладываешь, что, якобы, осматриваешь пожарные лестницы?

Юсуп виновато переминается с ноги на ногу.

– Еще, сын мой, ты тратишь слишком много денег на одежду. Вот ты купил себе солнцезащитные очки за двести баксов. Зачем тебе зимой солнцезащитные очки, еще и такие дорогие?

Юсуп пытается оправдаться, лепечет что-то о своих проблемах со зрением.

– Молчи! Ты хочешь нравиться женщинам! А знаешь ли ты заповедь Христа: не прелюбодействуй? Знаешь ли ты, что Христос велел отрубить детородный орган каждому, кто попытается...

– Бедный Юсуп. По-моему, прежде чем лишиться девственности, он станет кастратом, – шутила Бренда, выглядывая из своей пожарной каморки, возле которой обычно проходили эти невероятные занятия по катехизису.

Бренда перекрасила волосы в желтый цвет. Светлый цвет волос женщину молодит. Но в сорокалетней Бренде и так проглядывает что-то от озорной девчонки.

Каждое утро, шаркая туфлями, она идет в оперативный пункт. Отмечается там в журнале, застегивает непослушные пуговицы белой рубашки и, подтянув повыше съехавшие богатырские брюки, нажимает кнопку рации:

– Доброе утро, ребята.

И двадцать угрюмых лбов в униформе на всех пяти этажах супермаркета, услышав в рациях веселый голос Бренды, ненадолго выходят из сумрачной задумчивости.

Тяжелая думушка всегда лежит на челе охранника. Он думает о многом. В первую очередь, конечно, о Времени, – сколько еще часов «нужно сделать». Еще он размышляет о том, в какую дешевую обжорку пойти на ланч: «Макдоналдс» или «Цыплята Кентукки»?

А вот ланч Бренды проходит прямо на ее посту – в комнате, на дверях которой висит табличка «Центр противопожарной охраны».

Вся эта комната – в электрических щитках. Бренда отвечает за один – главный, утыканный кнопками и лампочками. Каждая лампочка на этом щитке относится к определенному объекту в супермаркете. Если лампочка не горит, значит, на объекте все в порядке. Лампочка вспыхивает – на объекте что-то стряслось. В этом случае Бренда обязана тут же связаться с оперативным пунктом и доложить о

случившемся – зажглась лампочка! Вот, собственно, и весь круг ее обязанностей.

Немудрено, что при таких трудовых нагрузках Бренда быстро превратила этот «центр» в буфет, кинозал и спа-салон. Приволокла туда лэптоп. Из кресел и стульев соорудила себе столик и лежанку для отдыха.

Феликс любил, покидая свой пост, ненадолго заходить в «салон» к Бренде. Садился на стул, вытягивал уставшие ноги.

Одним глазом Бренда смотрела кино в лэптопе, другим косилась на гостя. Она всегда ему улыбалась, многопудовая Бренда. Ее старший сын сидел в тюрьме. А она жила с 12-летней дочкой, в которой души не чаяла. Мужа у Бренды не было, в том смысле, что замужем она никогда не была. Зато любила рассказывать о своих бывших и нынешних кавалерах:

– Я всех своих любовников держу на коротком поводке: одних приманиваю вкусной жратвой, других бесплатной марихуаной. Ну а самых строптивых – своим шармом. Ты бы видел меня в пеньюаре! Я в пеньюаре – лучше любой супермодели! Ха-ха-ха! Ну, чего такой хмурый?

Глава 13

Гром грянул в канун Рождества. Старший оператор Фрэнк, сидя перед экранами в оперативном пункте, обратил внимание на странные действия какого-то мужчины.

Старший оператор Фрэнк страдал маниакально-депрессивным расстройством. Пару дней назад он начал принимать новые

психотропные таблетки; врач предупредил его о возможных побочных эффектах в первую неделю. Действительно, у Фрэнка слегка кружилась голова, и его одолевала сонливость. Когда на одном из экранов он увидел, что на верхнем этаже супермаркета какой-то мужчина взбирается на перила, Фрэнк зажмурился. Посчитал до пяти и открыл глаза. Сомнений не оставалось – это не галлюцинация!

Нажатием кнопки на пульте Фрэнк навел камеру на самоубийцу, увеличив его лицо в несколько раз. И тут Фрэнка прошиб холодный пот, да так, что насквозь промок даже пиджак на спине. С экрана глядел... Хуан! Беззвучно, как рыба, шевеля губами.

– Внимание всем постам! На пятом этаже ЧП! Принять все меры безопасности! – объявил Фрэнк в открытый эфир, сам толком не зная, какие меры имеет в виду.

Вскоре на пятом этаже толпились сбежавшиеся охранники. Вход туда для посетителей был закрыт, все эскалаторы и лифты в супермаркете отключены.

Хуан, взобравшись на перила, стоял там с поднятыми, как для благословения, руками. Снизу, с первого этажа, на него тарасились сотни перепуганных посетителей, не сомневаясь, что сейчас станут свидетелями гибели этого безумца.

К счастью для Хуана, перила были достаточно широки и устойчивы, поэтому ему не нужно было думать о равновесии и он мог полностью сосредоточиться на проповеди:

– Дети мои! Я – генерал по имени Mother Fucker. Ангел больше не может терпеть ваше свинство! Вы все безбожники! Вы будете гореть в аду! Ангел близок, я вижу его. Fuck you!..

В здании громче обычного звучала музыка, звук добавили по распоряжению Джона, начальника охраны всего супермаркета.

Кстати, пару слов об этом большом начальнике, которого охранники называли Большой Джо. Это был ограниченный человек, отставной капитан полиции. Он крайне редко выходил из своего офиса, сочиняя там бесчисленные циркуляры под грифом «Совершенно секретно, только для внутреннего пользования». Обычно эти циркуляры начинались громкими патриотическими призывами типа стоять насмерть в борьбе с международным терроризмом и заканчивались нудными требованиями не опаздывать на работу, не покидать самовольно посты и бережно обращаться с рациями.

Так вот, ввиду чрезвычайной ситуации Большой Джо оставил свой офис, где стряпал эти дурацкие циркуляры, и сейчас находился ближе всех к отчаянному проповеднику на перилах.

– Я вижу гибель этого города! Камня на камне не останется ни в Бронксе, ни в Гарлеме! Под воду уйдет Бруклин! – пророчествовал Хуан.

– Мы тебя слышим, мы тебе верим, – ласково говорил Большой Джо, незаметно приближаясь к Хуану еще на шаг.

Тот устремил на босса пронзительный взор, глаза его наполнились ужасом.

– Не подходи, сатана! Не касайся моих святых одежд! – брови Хуана взлетали и опускались, как «дворники» машины.

– Спускайся вниз, – просили его Мартин и Феликс.

– Мой сладенький, иди ко мне, – звала его Бренда. – Я дам тебе всё, что ты попросишь.

– Бро, у меня для тебя есть кое-что, очень чистый, без примеси, – это Брайан. Тоже незаметно приближался к Хуану, поднося большой палец к ноздре своего носа, словно нюхая кокаин.

Краешком глаза Брайан перемигивался с Джо.

В какое-то мгновение искра разума вспыхнула в безумной голове Хуана. Сквозь клубящийся дым, сквозь тучи пыли и пепла, за руинами рухнувших небоскребов, за обломками мостов Хуан смутно разглядел знакомые лица Брайана, Феликса, Бренды... Но ангел пронесся мимо и позвал за собой. Хуан встал на цыпочки, чтобы полететь вслед за ангелом...

Крепкие руки Джо и Брайана успели схватить его, «отлетающего» с перил, и низвергли на пол.

На улице уже стояла машина скорой помощи. Вскоре из здания Time Tower выкатили на колесиках металлические носилки.

Завернутый в брезентовую простыню и привязанный тугими ремнями к носилкам, Хуан смотрел в хмурое декабрьское небо.

Сыпал мелкий снежок. Два санитаря неспешно толкали носилки, разговаривая по пути с Большим Джо. Остановились у машины и все еще продолжали разговор. Судя по выражению лиц, говорили о чем-то важном, быть может, о технических достоинствах новой модели автомобиля «Форд» или о дешевой распродаже электротоваров в праздничный сезон.

Их разговор, однако, совершенно не трогал Хуана, отрешенно смотревшего вверх. Снежинки таяли на его лице, отчего оно казалось заплаканным.

– Раз-два-три! – санитары подняли носилки и втокнули их в фургон.

XXX

Эта попытка несостоявшегося суицида внесла некоторое разнообразие в монотонную жизнь охранников Time Tower. Целую неделю они обсуждали причины столь непонятного поведения Хуана. Каждый выдвигал свою версию.

Мартин считал, что у Хуана случился нервный срыв из-за работы:

– Хуан – человек навязчивых идей, заикнулся на работе, как другие заикаются на алкоголе.

– Ты не прав, – возражала Бренда. – Он двинулся мозгами из-за меня. Хуан боялся разоблачения. Не хотела, ребята, вам рассказывать об этом, но Хуан – редкий блядун, не раз пытался меня трахнуть. Я отказывала, но однажды сдалась. Мы отправились с ним в одну каморку. Там нас застукал инженер Билл, он туда зачем-то вошел, когда Хуан уже снял штаны.

– Какая же между этим связь?

– Самая прямая. Инженер пошел к Большому Джо и обо всем ему рассказал. А тот, чтобы не возникло никаких проблем, решил Хуана уволить. Я, со своей стороны, проконсультировалась с адвокатом на этот счет. Оказывается, я могу засудить эту компанию на миллион баксов, если удастся доказать, что Хуан как начальник вынуждал меня к соитию с ним.

– У тебя только соитие на уме! – возражал Брайан. – У Хуана случился обычный кокаиновый перегрев. Он слишком торчал на

кокаине, вот его мозги и тю-тю, – Брайан указательным пальцем постукал себя по лбу. – А ведь я говорил ему: кури лучше траву.

Не участвовал в этих разговорах только турок Юсуп. Ему теперь было некогда чесать языком. Турок входил в новую для него должность супервайзера смены: проверял посты, отдавал распоряжения, поправлял у подчиненных галстуки...

– Я узнала, что это Юсуп подсидел Хуана: он донес боссам, что Хуан нюхает кокаин и даже указал, где именно, – однажды сообщила Бренда.

Что бы там ни было – доносы, секс или кокаин, – Хуана всем было жалко. По сути, он был добрым малым.

Глава 14

Раннее субботнее утро, в синагоге служба еще не началась.

У входа в зал на столе, сваленные в кучу, лежали белые полосатые талесы с кистями из переплетенных ниточек. Феликс взял верхний, накинул его на плечи. Надел ермолку и прошел в молитвенный зал.

Там на скамейках сидело несколько дряхлых стариков с молитвенниками в руках. Еще один, широкоплечий и сутулый, в жеваных штанах и длинной дырявой шерстяной кофте стоял возле кафедры в центре зала. Старик хоть и был в очках, но водил пальцем по строчкам, низко наклонившись над книгой, будто не мог различить буквы. Со своими нечесаными волосами и кудлатой бородой он производил впечатление бездомного или человека, который так опустился и обеднел, что вот-вот окажется на улице.

Раввин, приветливо улыбаясь, пожал Феликсу руку и спросил, как зовут его и его отца.

Феликс сел на одну из пустых скамеек. С затаенной надеждой повернул голову, чтобы рассмотреть женщин в правом, женском крыле – несколько старушек в шляпках и париках и еще одна девочка лет двенадцати с ними: видимо, помогла своей бабушке сюда дойти.

Риты среди них не было. Может, она вообще сюда больше не приходит, потому что боль по умершему отцу стала утихать?

Вздохнув, он раскрыл наугад толстую книгу, стал читать дотошные описания жертвоприношений в древнем храме.

Утром он проснулся с ощущением странной уверенности в том, что сегодня с ним произойдет нечто важное, случится какое-то чудо. Потому-то и пришел сюда. «Может, не встречу Риту, зато голос вернется?»

Но в синагоге было тихо и уныло. Ни малейших признаков предстоящего чуда.

Согласно правилам иудаизма, служба в синагоге может начаться, только если в ней собралось не менее десяти мужчин. Но пока их было лишь девять, включая Феликса. Поэтому люди то и дело бросали нетерпеливые взгляды на входную дверь, ожидая, когда же явится еще хотя бы один – пусть калека, пусть психически больной, но – мужчина.

Вошел, поправляя на ходу подтяжки, гигант в широких, испачканных краской штанах. Он теребил подвешенную на ремне тяжелую связку ключей. Похоже, здешний чернорабочий.

– Шимон, сколько можно тебя ждать? – зашипел на него кто-то из присутствующих.

Он был десятым, и служба, наконец, началась.

Старик в мятых штанах и длинной дырявой кофте, раскачиваясь над свитком Торы, запел.

Трудно было предположить, что у этого с виду опустившегося пожилого человека такой мощный голос и такие глубокие, сильные чувства.

– «Шма-а, Исраэ-эль! Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь – един есть!..»

Синагога постепенно наполнялась людьми.

Феликс слушал это чарующее пение и думал про бабушку Аню, вернее, не думал, а чувствовал ее присутствие. Она молилась сейчас в правом притворе вместе с другими женщинами. А перед ним на скамейке сидели два его деда, погибших на фронте. И его прадеды тоже были здесь. И мама, и отец. И бегало вокруг много детей.

Феликс вспомнил слова бабушки Ани о том, что все люди – живые и ушедшие, здоровые и больные – должны молиться друг за друга, молиться, не переставая, пока Бог не услышит...

– Феликс бен Иосиф! – громко, на весь зал, вдруг произнес раввин, вызывая его читать Тору.

Вздвогнув от неожиданности, Феликс встал и направился к кафедре, на которой лежал расчехленный свиток.

В синагоге, во время утренней субботней службы, Тору читает не только кантор и раввин, но и любой из присутствующих мужчин, которого вызывают. Это – большая честь и большая ответственность – возвещать собравшимся Слово Божье.

Прокашлявшись, Феликс посмотрел на вязь черных мелких буковок, тянувшихся по белому пергаменту. Рядом со свитком лежал листок бумаги, где та же молитва была написана русскими и

английскими буквами, специально для тех, кто не читал на древнем иврите. Феликс стал читать – сперва по-русски, но затем рискнул с оригинала. Надо же – он помнит древний иврит! Из каких только глубин памяти всплывают в сознание, казалось бы, давным-давно забытые слова! «Эхей шломо рабо мин шмайо...» Иногда, правда, запинался.

Феликс стал раскачиваться вперед-назад в такт молитвенному ритму. Его переполняло чувство гордости за себя и за свой народ. Он был уверен, что Бог сейчас услышит его, наконец. Вот оно – чудо! «В полный голос кричу Богу. Услышь меня!»...

Неожиданно у него в горле запершило, и Феликс умолк. Осторожно приложил руки к горлу со вздувшимися жилами. Сомнений не оставалось – сейчас начнется спазм.

Он покраснел от ярости. Гневно засопел и вместо «Шма, Израэль» прокричал: «God, fuck You!»

Все замерли.

«Fuck you! Fuck you all!» – Феликс схватил деревянные резные ручки свитка Горы, чтобы поднять его с кафедры и швырнуть на пол.

Но совершить этого не успел. Бородатый старик, стоявший рядом, так сильно толкнул Феликса в плечо, что тот едва не упал. Раввин в черной шляпе, все это время стоявший возле Ковчега с благодушной улыбкой, брезгливо скривил лицо и сурово указал ему рукой на дверь: «Вон отсюда!»

Люди зашумели, со всех сторон на него посыпались проклятия. Могучий чернорабочий по имени Шимон, всю службу дремавший на скамейке, проснулся и поднялся...

Феликса повели к выходу, крепко держа под руки. Он хрипел, дергался, пытаясь вырваться:

– Fuck off! Fuck you all! Ак-г-хэ-э...

Глава 15

В одно мартовское утро, во время патрулирования этажа, Мартин мучительно решал важный для себя вопрос: куда пойти сегодня после смены – на собрание «Анонимных алкоголиков» или в пивбар?

– Сэр, можно у вас спросить кое-что? – раздался сзади вкрадчивый мужской голос. – Вы не подскажете, как попасть в туалет?

С этого банального вопроса началось знакомство Мартина с человеком, которому было суждено сыграть в его судьбе роковую роль.

Мужчина был среднего роста, обычного телосложения, одет в серую куртку и серые, в крупную клетку штаны. Словом, ничего запоминающегося, если не считать рыжих волос и тоненьких, слегка закрученных усиков, придававших лицу незнакомца нечто кошачье.

Получив нужную информацию, мужчина, однако, не тронулся с места, более того, попытался завязать с Мартином разговор. Мартин вяло отвечал, решив, что перед ним – гей: что-то много их в последнее время развелось в Time Tower. Мужчина между тем перевел беседу на тему работы охранника, на ее тяготы, расспросил Мартина о его зарплате. Мартин слегка насторожился.

– Сэр, я не имею права отвечать на многие ваши вопросы, это коммерческая тайна, – сказал Мартин, но отказ посвящать незнакомца в тонкости охранной службы прозвучал, скорее, как призыв продолжать разговор.

Дело было не только в том, что Мартин изнывал от скуки и, чтобы скоротать время, согласился бы чесать языком хоть с самим чертом. Интуиция подсказывала, что перед ним заинтересованный человек, которому нужна какая-то специальная информация или что-то вроде. И Мартин этим «чем-то» обладал.

Недавняя попытка Мартина устроиться водителем городского автобуса не увенчалась успехом. Теперь он собирался с силами, прикидывая, где бы еще попытаться профессионального счастья.

– Я вижу, вы серьезный и надежный человек. Вы мне положительно нравитесь, – признался незнакомец, и Мартин с грустью подумал, что перед ним все-таки обыкновенный гей.

– Тот лысый – ваш приятель? – незнакомец указал на Феликса, стоявшего на своем посту, в конце коридора.

– Да.

– Признаюсь, я долго выбирал, кому из вас двоих сделать предложение. Присматривался, наблюдал. И сделал выбор в вашу пользу. Итак, хочу вам предложить...

Рыжий попросил самую малость – информацию о кондиционерах. Сущий пустяк. Мартин, конечно же, сразу смекнул, что его втягивают в промышленный шпионаж. Однако, как человек практичный, к тому же с опытом многократных увольнений, с отказом не спешил.

По словам незнакомца, он представляет фирму по производству кондиционеров для офисов и предприятий. Небоскреб Time Tower должны были оснастить продукцией их фирмы, но из-за взяток и интриг этот заказ отдали конкурентам. Теперь их фирма пытается поправить дело, хочет доказать, что кондиционеры конкурента –

низкого качества. А для этого сначала нужно доподлинно узнать, кондиционеры какой модели здесь установлены. И охранник Мартин, имеющий пропуск, знающий здесь все входы и выходы, конечно, за определенное вознаграждение, сможет с этой задачей справиться.

Пропуск Мартин действительно имел – пластиковый, с цветной фотографией печального еврея в очках на фоне небоскреба Time Tower. Недостаток этого пропуска, чего не знал коварный незнакомец и о чем Мартин не сказал ему, заключался в ограниченности его действия. В некоторые, особо важные, двери здания вход Мартину был закрыт, электронный чип его пропуска там не работал.

– А что, если в качестве вознаграждения вы мне поможете с приличной работой? – спросил Мартин на всякий случай. – И, желательно, не в частной компании, а в государственной.

– Нет проблем. Вас устроит м-м... Скажем, место консультанта в городском Департаменте по защите окружающей среды? У нас там есть свои люди. Считайте, что вы уже там. Вот вам номер моего мобильного телефона. Жду от вас звонка.

xxx

– От пяти до десяти лет тюрьмы. Я смотрел по интернету Уголовный кодекс, – делился Мартин с Феликсом, когда они сидели в пиццерии. – Конечно, риск большой. С другой стороны, кто узнает, что в это дело был замешан я?

– Но от пяти до десяти лет тюрьмы, – напомнил Феликс.

– Да, это правда, – Мартин дожевывал пиццу, вытер салфеткой жирные губы. – В той комнате, о которой говорил Рыжий, оказывается,

стоят самые главные компьютеры в здании. Распределение электроэнергии, сигнализация, работа лифтов, эскалаторов, запись электронной информации – всё на них завязано. Компьютеры сверхчувствительные, не дай Бог, что-то случится с кондиционерами в той комнате: если температура там хоть чуточку упадет или поднимется, то отключатся компьютеры, а вместе с ними – и все в здании. Представляешь, сколько будет шума? – Мартин на миг умолк. – Но, согласись, работа в Департаменте по защите окружающей среды тоже на дороге не валяется.

– А если тебя обманут? Где гарантии?

– Гарантий нет. Но вчера в почтовом ящике я обнаружил пакет. В пакете – фирменные бланки для заполнения и приглашение на рабочее интервью в тот департамент. Я позвонил Рыжему. Он пояснил, что это – своего рода задаток. На интервью мне зададут обычные вопросы и отпустят домой. А приглашение на работу я получу на следующий день после того, как выполню спецзадание... Ты только прикинь: государственная работа, стартовая зарплата – пятьдесят тысяч в год, плюс медстраховка, куча больничных. И при этом – ни черта не делаешь.

– Но от пяти до десяти лет тюрьмы, – ехидно напомнил Феликс.

– Да, есть над чем подумать...

Глава 16

Поначалу задача казалась Мартину невыполнимой. Как разыскать заветную дверь в комнату, где установлены те самые суперкомпьютеры? Как ему проскользнуть туда, не замеченным

видеокамерами? Ну, а главное – как эту дверь открыть, где раздобыть соответствующий пропуск?

Постепенно, однако, задача перестала казаться такой уж сложной, и у Мартина забрезжила надежда.

Секретный номер нужной комнаты ему сообщила начальница центра противопожарной охраны мисс Бренда. На вопрос Мартина, какая кнопка на электрическом щитке самая важная, Бренда указала на большую кнопку «1-Z». В книге «Руководство по пожарной безопасности Time Tower» таинственная кнопка на щитке «1-Z» была связана с комнатой в здании под номером «66».

Получив информацию от Бренды, Мартин тотчас отправился на поиски. Вошел в одну служебную дверь, последовал по узкому коридору налево, затем еще один поворот налево и...

Он стоял неподвижно, так и не сделав последних шагов к заветной двери, чтобы не попасть в поле зрения видеокамер. Слегка отодвинув от глаз очки, навел таким образом резкость и прочел номер на табличке – «66». Да, вот она – та самая дверца!

Затем Мартин решил посмотреть на дело с точки зрения собственной безопасности. Он не питал иллюзий и знал, что, рассекреченный и уличенный, отправится за решетку. Мартин хорошо помнил, какое впечатление на него произвел арест одного коллеги в маркетинговой фирме, где он когда-то работал: парню за подобное преступление надели наручники прямо в офисе, за рабочим столом.

Мартин провел несколько напряженных дней возле центрального пульта, болтая там с Фрэнком о побочных эффектах психотропных лекарств, а заодно внимательнейшим образом вглядываясь в огромные мониторы на стене. По просьбе Мартина Фрэнк двигал рычажками на

пульте, переключая видеокамеры. Мартин восхищался его мастерством, и польщенный Фрэнк выдавал ему тайны обо всех недостатках этой сверхсовременной системы видеонаблюдения.

Поход в оперативный пункт снова поверг Мартина в пучину сомнений. Выяснилось, что из коридора вход в ту самую комнату контролируют две поворотные видеокамеры. Если затаиться в углу и выждать нужное время, то в течение тридцати секунд, когда камеры не будут наведены на дверь, в нее можно проскользнуть незамеченным. И кресло консультанта в городском Департаменте по защите окружающей среды, мягкое, поскрипывающее новой кожей, кресло с высокой спинкой, засияло в воображении Мартина с новой пленительной силой.

Но как же ту дверь открыть? Где достать пропуск? Подобно шахматному гроссмейстеру, Мартин стал разыгрывать в уме различные комбинации.

Пропуск с неограниченным допуском имели начальник охраны Большой Джо, менеджеры высшего звена и старший инженер Билл.

Высших менеджеров Мартин отмел сразу. К этим небожителям с их шестизначными зарплатами, с их связями в мэрии и на Уолл-стрит было не подступиться. Кто он для них? Таракан в униформе. Иногда, правда, проходя мимо, они кивают ему, и порою это знак формального приветствия, но чаще – молчаливое указание поднять с пола какую-то бумажку.

Начальник охраны, отставной капитан полиции – Большой Джо, разумеется, тоже отпадает.

Последняя фигура на шахматной доске – старший инженер Билл. На первый взгляд Билл казался уж вовсе неприступной, а потому и

беспольной фигурой в этой сложной игре, и Мартин уже собирался сдать ее без боя.

Старший инженер Билл, ветеран вьетнамской войны, сохранивший выправку и стать воздушного десантника, выглядел моложе своих шестидесяти семи. Высокий, представительный, он командирским басом отдавал распоряжения всем, как своим подчиненным.

Он был настоящим патриотом Америки, этой благословенной страны, за которую когда-то проливал кровь в далеком Вьетнаме. Патриотизм из него пёр, как опара: тряпичные нашивки в виде американского флага украшали все карманы его спецодежды и бейсбольную шапочку. О своей любви к Америке Билл говорил часто и по любому поводу: «Уничтожили отряд исламских боевиков в Афганистане – God bless America» (Да благословит Бог Америку); «Перед праздником в магазинах скидки на электротовары – God bless America»; «С 21 октября переводят время на час назад – God bless America».

И, тем не менее, этот истовый патриот стал той фигурой в руках гроссмейстера Мартина, которая должна была спасти всю партию.

Дело в том, что старший инженер Билл строил себе дачу. Дачу на берегу океана, где свежий воздух, природа, покой. Где можно сидеть на веранде в шортах-хаки, пить пиво и смотреть в бинокль на океан. Не заслужил ли он этого? Разумеется, заслужил.

Пожалуй, единственное, что не нравилось Биллу в его благословенной стране, это цены на стройматериалы. Небольшой лист фанеры – 50 долларов. Форменное безобразие! Что уж говорить о досках орехового или красного дерева?!

Когда все главное начальство здания исчезало, старший инженер Билл, подогнав к Time Tower свой форд-седан, забрасывал во вместительный багажник завернутые в брезент доски, огнеупорное стекло, рулоны кожи, короче, все то, что так необходимо для строительства дачи и что, плохо учтенное, в избытке имелось в роскошном, стоимостью в два миллиарда долларов, здании Time Tower.

То, что старший инженер ворует, знали многие охранники. Даже шутили, что дача Билла скоро станет вторым Time Tower. Но отношения с ним портить не хотели, потому и молчали.

Отныне все усилия Мартина сосредоточились на стремлении втереться к Биллу в доверие. Мартин крутился возле Билла, при любой возможности заводил с ним разговоры о последней победе «Янкис», о вкусной пицце в новой пиццерии, о подпольных борделях, где эксплуатируют секс-рабынь из Вьетнама и Лаоса, словом, обо всем, что так или иначе могло Билла заинтересовать.

Старший инженер часто нуждался в помощнике – тягловой силе и, проникшись к Мартину некоторой симпатией, стал брать его с собой. Мартин помогал ему носить инструменты, проверял работу кранов и ламп. Физически слабый от природы, еще и зачастую с похмелья, Мартин с трудом волочил ноги по всему супермаркету, но старался выполнять любые поручения Билла добросовестно и прощал ему антисемитские остроты. Словом, очень скоро никого уже не удивляла эта неразлучная парочка.

Вскоре Билл стал привлекать Мартина к работе более ответственной, а именно – поручал ему воровать материалы для своей дачи. В договоренное время Билл давал Мартину свой пропуск, указывал, в какую комнату пойти и что именно там взять. Затем

Мартин сносил вниз загадочные тяжелые предметы, завернутые в брезент, а Билл в это время подгонял к гаражу свой форд-седан.

... Спустя годы Мартин часто будет прокручивать в голове тот памятный день. Усевшись в кресле поудобней, как зритель в первом ряду кинотеатра, с коробкой попкорна, поправив очки, будет мысленно просматривать эти великолепно отснятые кадры: вот они оба – инженер Билл и Мартин – стоят в супермаркете возле какого-то пожарного щита. Билл что-то говорит, отдает Мартину свой пропуск и, хлопнув его по плечу, уходит.

Следующий кадр: Мартин сидит на полу в углу в каком-то коридорчике. Ни звука. Абсолютная тишина. Мартин отворачивает край рукава пиджака, смотрит на часы, наклонившись над ними так низко, что не видно его лицо. Затем объектив наезжает на дверь, где над замочной скважиной – металлическая коробочка с вмонтированным электронным устройством.

Стоп кадр! Мартин не хочет смотреть дальше этот ужасный фильм! Но нет же – фильм продолжается, кадры мелькают быстрее: рука Мартина в униформе подносит пропуск Билла к двери «66». Клац! Дверь открыта. Мартин подкладывает в щель приоткрытой двери припасенный заранее деревянный колышек. И в ту минуту, когда Мартин должен был встать и прошмыгнуть в комнату, – вот же роковое невезение – его очки падают на пол!

Стоп, стоп, стоп. Мы забежали слишком далеко: операция «Кондиционер» начнется ровно через пять дней. А пока что...

Глава 17

Бросив короткий взгляд во все близкие и дальние углы гаража и, удостоверившись, что все здесь в порядке, Брайан сел в разбитое кресло и углубился в «Плейбой».

Ровно через четыре часа он связался по рации с супервайзером смены Юсупом и попросил отпустить его на ланч. Брайан знал раскладку сегодняшней смены, кто на каких постах, и был уверен, что ему на подмену пришлют Феликса...

– Присаживайся, бро, отдохни. Как дела? По-прежнему ждешь, когда вернется голос? Ну-ну. Или, может, надеешься на повышение зарплаты? Не надейся.

Феликс пожимает плечами. Он сидит на ящике, чистит мандарин, собирая в кулак кусочки мягкой пахучей кожуры.

Брайан наклоняется к Феликсу поближе:

– Скажу тебе, бро, по секрету: еще пару дней, и я уйду с этого вшивого места на другую, хорошую работу. У меня и для тебя есть заманчивое предложение.

– Что за предложение?

– Слушай меня внимательно: один ниггер в Бронксе нарушает договор, сбывая товар на чужой территории. Среди его клиентов много русских – твоих земляков. Вот с тем ниггером и нужно разобраться.

– Какой товар? – уточняет Феликс.

Брайан закрывает большим пальцем ноздрю своего носа и громко втягивает воздух через другую широкую ноздрю:

– Теперь понял, что за товар?

– А-а... Я на такое не гожусь.

– Я считал, что ты умнее, не упустишь свой шанс. Тебе же ничего не нужно будет делать: стой рядом с двумя нашими и кивай головой.

Или ты боишься, что того ниггера замочат? Обещаю: в этот раз крови не будет.

– Одного не пойму: неужели твои ниггеры не могут разобраться между собой без меня?

– Ты нам нужен для правдоподобия, будешь изображать мелкого русского наркоторговца. Если понадобится, скажешь на своем корявом английском, что твои русские клиенты недовольны качеством товара, что товар слишком разбавлен. Тебя обо всем проинструктируют по дороге, в машине. Ты за этот рейд получишь хорошие бабки, таких в охране и за год не заработаешь. А захочешь – останешься с нами и после этого. Предлагаю исключительно из глубокой симпатии к тебе, бро. Согласен? – Брайан не сводит с Феликса прищуренных глаз.

Лицо Феликса мрачнеет. Он поднимается:

– Мне пора на пост.

– Не будь идиотом! – кричит ему Брайан вслед.

Глава 18

Пятница близилась концу, а с нею – и вечерняя смена.

– Ты только посмотри на этого турка! – возмущалась Бренда, рассматривая свои новые искусственные красные ногти. Они сидели с Феликсом в «салоне» Бренды – центре противопожарной охраны.

– Менеджер «Армани», эта старая развратная сука, взяла Юсупа на содержание. Видишь, как турок выгодно продал свою девственность. Уметь надо. Он мне хвастался, что по утрам она подает ему кофе в постель. Эх, кто бы мне подавал кофе в постель..., – и Бренда мечтательно взглянула на Феликса.

– Супермаркет Time Tower, как студенческое общежитие: все знают, кто с кем спит, кто что ест, у кого какое нижнее белье, – отозвался Феликс безразличным тоном.

Бренда не нашла, что ответить, вставила в свой лэптоп компакт-диск, чтобы посмотреть демонстрацию мод «Виктория Сикрет». Этот диск сегодня раздавали бесплатно в магазине всем покупателям. Бренда приобрела там себе пеньюар, а дочке – бикини, лето не за горами! Теперь смотрела, как на подиум выходят длинноногие красотки.

– Когда-то в детстве я тоже мечтала стать супермоделью, – говорила Бренда, обращаясь то ли к Феликсу, то ли к самой себе. – Надевала мамин безразмерный лифчик, красила губы ее помадой и под музыку ходила по всем комнатам. Маме до меня не было никакого дела. Она курила крэк, в доме всегда были какие-то незнакомые мужчины, частые драки...

Феликс, погруженный в себя, на Брендю и не смотрел. Сегодня ровно в полночь закончится его смена, он переоденется и поедет домой. А в четверть третьего ночи к его дому подкатит «Шевроле», в котором будут сидеть Брайан со своими корешами. И поедут в Бронкс. На разборки. Ему дадут незаряженный пистолет. Для правдоподобия. А завтра утром на его счету появится десять тысяч баксов.

С этой ночи жизнь Феликса пойдет по-иному. Поездка в Бронкс станет началом его новой «карьеры», которая, само собой, закончится тюрьмой или кладбищем.

«А, будь что будет. Стану таким, как все. Хуже, чем все. Нужно выживать, выживать любой ценой. Когда-нибудь потом, быть может, покаюсь. Пойду в синагогу и попрошу Боженьку, чтобы простил меня.

Бабушка Аня, а простишь ли ты своего шлемазла?..»

Он вертел в руках свою рацию. Пытался вообразить предстоящую ночную сцену: золотые цепи, кожаные куртки, пистолеты. Полиция. Выстрелы. Кровь. Fuck you!..

– Проклятая жизнь, – тихо произнес Феликс.

Бренда присмотрелась к нему.

– Ты чего такой грустный? Опять хандра напала?

И в тот момент, когда Бренда решила напрямую пригласить Феликса сегодня на ночь к себе домой, резкий звонок затрещал на пожарном щитке. Замигала лампочка.

– У-у, shit! – ругнулась Бренда то ли от недовольства, то ли с перепуга: сигнал тревоги поступал с *того* места, мигала *та* лампочка, которой меньше всего нужно было мигать, – «1-Z»!

Начальница центра противопожарной охраны Бренда хорошо знала, что это – самая важная лампочка на щитке, ее не раз на этот счет инструктировали. Эта лампочка внушала Бренде особый, почти мистический страх.

Схватив телефонную трубку, Бренда связалась с Фрэнком в оперативном пункте и сообщила ему о сигнале.

Фрэнк был совершенно спокоен: новые психотропные таблетки оказались настолько хороши, что вывести его из душевного равновесия могла только атомная война.

– Не устраивай панику, – успокоил он Бренду. – Нажми на красную кнопку внизу щитка, и все утихнет.

Однако и после нажатия красной кнопки тише не стало. Напротив, все еще сильнее раззвенелось и размигалось.

В комнату ворвался начальник смены Юсуп.

– Соблюдать спокойствие. Вызвать полицию. Расставить охранников у входных дверей, – он перечислял список действий при чрезвычайных ситуациях. Но при этом ничего не делал и с места не сходил.

...Один за другим в здании останавливались лифты и эскалаторы. В магазинах и коридорах гас свет. Выли сирены. Ярко вспыхивали лампы пожарной тревоги, вмонтированные в стены. В дверях началась давка, повсюду раздавались вопли убегающих, насмерть перепуганных покупателей. Не было сомнений в том, что совершен новый теракт – в Time Tower врезался самолет, управляемый исламскими террористами.

Неужели прекрасной, богатой и безопасной Америки больше нет? И все меры безопасности были напрасны? И от этого нового, коварного врага никак не спастись? Сейчас рухнет еще один небоскреб – как оказалось, такое хрупкое творение рук человеческих...

Люди с воплями неслись к выходу, чтобы не быть заживо погребенными под обломками...

xxx

Ночь. Четверть третьего. Тусклый свет с улицы проникает сквозь большие стекла в огромное помещение на третьем этаже, где в скором времени будет открыт еще один бутик или ресторан. А пока там ведутся работы: повсюду стоят колонны-подпорки, столы с циркулярными пилами, валяются какие-то ящики, трубы.

С широкого мягкого дивана, на котором сидят Феликс и Бренда, в окно видна часть площади со статуей Колумба и парк.

Ночь поглотила здание Time Tower. Темным обелиском стоит оно в уснувшей «столице мира», жители которой завтра утром узнают о случившемся. Жители вспомнят шок после трагедии 9/11, когда несколько недель над городом вздымались тучи пыли, пахло гарью и на всех столбах висели тысячи фотографий пропавших людей...

Впрочем, в этот раз сообщат, что ЧП на Time Tower было вызвано не терактом, а техническими неполадками. Пока же все входные двери в здании заперты, кроме одной, охраняемой полицией.

Ночь. Одинокие прохожие. Уличные проститутки. Несколько машин городских телеканалов с поднятыми антеннами.

– Интересно, как завтра это преподнесут в новостях? Шума будет на весь город, – предположила Бренда.

– Бери выше – на всю Америку, – сказал Феликс и покосился на Мартина, сидевшего рядом в кресле.

– Наверное, скоро все починят. Прибыли инженеры и компьютерщики. Восемь «мерсов» въехали в гараж, – продолжает Бренда.

– Может, на «мерсах» въехали не технари, а фэбээровцы? Может, это была кибер-атака? – шутит Феликс, повысив голос специально, чтобы слышал Мартин.

Мартин – жук, не сказал ему о том, что спецоперация «Кондиционер» сегодня вошла в завершающую фазу.

Пиджаки у всех сняты, верхние пуговицы рубашек расстегнуты. За окнами – прохладная апрельская ночь, а все обогреватели в здании отключены. Но согревает виски – пару бутылок прихватили из бара. Все трое – Мартин, Феликс и Бренда – уставшие после пережитого, охмелевшие.

А Мартин – тот просто убит. Паника, вой сирен, отряды полиции и пожарных потрясли его до глубины души. Если еще учесть, что он сам явился прямым виновником случившегося. Его обманули. Договор был таков, что по сигналу Мартина Рыжий войдет в комнату «66» и перепишет данные тех злополучных кондиционеров. Но, судя по всему, Рыжий не только записал данные кондиционеров, но и вырубил их, отключив тем самым суперкомпьютеры. Вот и вышел весь этот тарарам.

Мартин понимает, насколько серьезно влип. В возникшей суматохе он быстро отдал инженеру Биллу его пропуск. Но все равно: начнется расследование, выйдут на него. Как назло, в самый ответственный момент возле той злополучной двери упали очки и он немного замешкался. Неужели он попал в поле обзора видеокамер?! Мартин проклинает свою преступную близорукость, невезучесть. Готовится к предстоящему допросу, следствию, думает об адвокате, о тюрьме. Выпивает еще виски и, раскачиваясь взад-вперед, причитает:

– Азохн вэй... Барух, Ата, Адонэ-эй... My God...

«Бедный Мартин, – думает Феликс. Ему жаль видеть приятеля в таком печальном состоянии. – Господи, Ты не хочешь помочь мне, чёрт с Тобой! Так помоги хотя бы Мартину». (Феликс еще не знает, что для Марина всё обойдется благополучно, его «шпионская деятельность» не будет раскрыта, и он в качестве вознаграждения получит обещанную работу.)

– Интересно, по каким расценкам нам заплатят за эту дополнительную смену? Мы все-таки остались здесь не по своему желанию, а по требованию начальства, – спрашивает Бренда. Достает из кармана мобильный телефон, находит там нужное имя. Тонкий

лучик освещает ее лицо, придавая ему голубоватый мистический оттенок. – Ладно, не стоит ее будить, пусть спит, – говорит о дочке, складывая телефон.

Мобильник Феликса часто звонит – кто-то упорно хочет с ним связаться. Но Феликс не отвечает. Он знает, что это Брайан. «Поездка в Бронкс сорвалась. И я не наделал глупостей ни с чужой жизнью, ни со своей. Всё так замечательно получилось, лучше не придумаешь».

Конечно, он мог бы спокойно уехать домой, в этой неразберихе никто бы из начальства не заметил. Но Феликс остался здесь, чтобы не искушать судьбу. Ему лучше сегодня быть вместе с Мартином и Брендой. Не с Брайаном.

Он отключает свой мобильник, чтобы Брайан ему больше не надоедал звонками. Снова разливает виски.

Мартин до того погрузился в молитву, что и не видит – пьют без него. Мартин раскачивается все сильнее. Феликсу вдруг кажется, что у Мартина отрасли пейсы и борода, и сейчас он запоем, как кантор в синагоге.

– Виски такое крепкое, у-ух... Почему ты не прихватил шоколад?
– капризно упрекает Феликса Бренда. – Скажи, почему ты всегда хмурый, всегда недовольный?

Феликс долго молчит, собираясь с мыслями:

– Понимаешь, Бренда, на меня постоянно валятся проблемы. Ноги от долгого стояния болят так, что еле хожу. Голос сел окончательно. Я хожу по врачам, трачу на них денег больше, чем еще недавно тратил на стриптизерш. О долгах и думать не хочу. Много пью, едва не стал бандитом. Меня одолевают страхи, всё чаще посещают мысли о самоубийстве...

– Бедненький. Не думала, что у тебя всё плохо до такой степени. Я должна была давно тобой заняться.

– Ты?

Бренда шмыгает носом:

– Моя бабушка была известной в Гарлеме целительницей, научила и меня кое-чему. Ну-ка, откинься на спинку дивана. Вот так. А теперь расслабься, – она помогает Феликсу сесть удобней на диване. – Теперь закрой глаза, заткни уши и раскрой рот.

Феликс, не без улыбки, делает всё, что велит ему Бренда. Она прикладывает своими широкими губами к его раскрытому рту и... В его грудь вдруг входит сильный поток воздуха. Феликс едва успевает выдохнуть чтобы не задохнуться, но Бренда снова вдвует в него мощную струю. И в третий раз.

В голове у него мутится, ему кажется, что сейчас разорвутся легкие и полопаются все мозговые сосуды...

Чувство реальности покидает его, перед ним словно приоткрывается некая таинственная завеса. Он оказывается в огромной синагоге. Там раввины, канторы, хасиды. И бабушка Аня. И мама с отцом. И его деды, и прадеды. И Мартин. И Рита, и ее умерший отец. И даже чернорабочий Шимон, недавно вытолкавший Феликса из синагоги. И очень много детей.

Боже, какая силища!..

Все молятся за кого-то. Феликс почему-то уверен, что к этой молитве он имеет непосредственное отношение. Он прислушивается. Неужели? Они молятся за него!

Всё происходящее потрясает его до глубины души. Он хочет отблагодарить их всех. Но как? Он надевает оказавшиеся под рукой

наушники, берет микрофон: «Дамы и господа, леди и джентльмены. Феликс по-прежнему и навеки с вами. Я хочу вам сообщить потрясающую новость: я тоже люблю вас всех! Люблю и буду любить, до последнего дыхания!»

...Открывает глаза. Еще не может понять, где он и что с ним.

Перед ним – Бренда.

– Ну что, лапочка, ты живой? Полегчало? – спрашивает она.

Мартин, ставший свидетелем этого лечебного сеанса средствами народной медицины, тоже вопросительно смотрит на приятеля.

Феликс прикладывает руки к груди, которая еще побаливает, делает вдох, но боится издать хоть один звук.

Все трое переглядываются.

– А-а-а! – преодолев страх, кричит Феликс, что есть мочи.

Замирает, пораженный: из его груди вырывается такой рокот, что дрожат стекла, а Бренда и Мартин закрывают уши.

– Вот видишь! А ты мне не верил. У тебя в трахее образовалась пневматическая пробка, надо было ее просто продуть, – объясняет Бренда. – Эти гребаные врачи не знают элементарных вещей. Теперь ты в полном порядке, – улыбнувшись, Бренда распрямляет в кулаке большой палец.

– Я люблю вас, люблю вас всех... – шепчет Феликс. Он сидит в той же позе, прижав руки к груди, смотрит перед собой и шепчет. – Теперь я в полном порядке, чтоб я так жил...